

А. А. Иванов

Идея соборности в русской консервативной мысли и политической практике начала XX века

УДК [1+329](470+571)(091)
DOI 10.47132/1814-5574_2026_3_63
EDN IYIGRE

Аннотация: В статье рассматривается использование концепта «соборность» в публицистических трудах русских консервативных мыслителей и правых политиков начала XX в. Отмечается, что в историографии уделено недостаточное внимание пониманию идеи соборности идеологами черносотенного движения, считавшими себя преемниками славянофилов. Особое внимание уделено рассмотрению концепта «соборность» в публицистическом наследии таких правых деятелей, как М. Ф. Таубе, Г. А. Щечков, А. В. Васильев, А. Г. Щербатов, С. Ф. Шарапов. В научный оборот вводятся материалы правой периодической печати («Московские ведомости», «Русское знамя», «Земщина», «Вестник Союза русского народа» и др.). Доказывается, что идея соборности была глубоко укоренена в мировоззрении русских монархических деятелей и публицистов начала XX века и занимала важное место в их идеологических построениях. Отталкиваясь от церковной традиции понимания соборности, правые публицисты и политики часто рассматривали данный концепт через призму уваровской триады «православие, самодержавие, народность», видя в ней соборное сосуществование трех нераздельных начал, составляющих основу русского мировоззрения. Стремясь в условиях стремительной трансформации российского общества выработать концепцию подлинно соборного и самобытного церковного, государственного и общественного строя, правые публицисты и политики настаивали на необходимости применения соборных принципов в жизни Православной Церкви, организации народного хозяйства, для возвращения царского самодержавия к своим истокам, создания подлинно народного органа для донесения до монарха соборного народного голоса и восстановления тесной связи между царем и народом.

Ключевые слова: соборность, русский консерватизм, консервативная мысль, монархисты, черная сотня, Союз русского народа, Союз русских людей, русская община, Земский собор, Государственная дума, политические партии.

Об авторе: Андрей Александрович Иванов

Доктор исторических наук, доцент, профессор Института истории Санкт-Петербургского государственного университета.

E-mail: andrey.a.ivanov@spbu.ru

ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-6438-5200>

Для цитирования: Иванов А. А. Идея соборности в русской консервативной мысли и политической практике начала XX века // Христианское чтение. 2026. № 3. С. 63–78.

Финансирование: Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда — проект № 24-18-00294 «„Русский мир“ и „русская земля“: исторические и социально-политические аспекты проблемы национальной идентичности в публицистическом дискурсе середины XIX — начала XX в.».

Статья поступила в редакцию 12.10.2025; одобрена после рецензирования 13.11.2025; принята к публикации 10.12.2025.

Andrey A. Ivanov

The Idea of Conciliarity in Russian Conservative Thought and Political Practice in the Early 20th Century

UDK [1+329](470+571)(091)
DOI 10.47132/1814-5574_2026_3_63
EDN IYIGRE

Abstract: The article presents how the concept ‘sobornost’ is used in journalistic works of Russian conservative thinkers and right-wing politicians of the early 20th century. It is noted that the understanding of the idea of ‘sobornost’ was given insufficient attention in historiography by the ideologists of the Black Hundred movement, who regarded themselves as successors of the Slavophiles. Particular attention is paid to the study of the concept of ‘sobornost’ in the journalistic legacy of such right-wing figures as M. F. Taube, G. A. Shechkov, A. V. Vasiliev, A. G. Shcherbatov, S. F. Sharapov. Materials of the right-wing periodical press (“Moskovskie Vedomosti”, “Russkoe Znamya”, “Zemshchyna”, “Bulletin of the Union of the Russian People”, etc.) are introduced into scientific circulation. Arguments are presented demonstrating that the idea of conciliarity was deeply rooted in the worldview of Russian monarchical figures and publicists of the early 20th century, occupying an important place in their ideological constructs. Drawing from the church tradition of understanding ‘sobornost’, right-wing publicists and politicians often viewed this concept through the prism of Uvarov’s triad “Orthodoxy, autocracy, nationality”, seeing it as the conciliar coexistence of three inseparable elements that make up the foundation of the Russian worldview. In their effort to develop a concept of a truly conciliar and distinctive church, state and social order in the context of the rapid transformation of the Russian society, right-wing publicists and politicians insisted on the need to apply conciliar principles in the life of the Orthodox Church and organization of the national economy, to return the tsarist autocracy to its origins, and to establish a truly popular body to convey the conciliar voice of the people to the monarch and to restore close ties between the tsar and the people.

Keywords: Sobornost, Russian conservatism, conservative thought, monarchists, Black Hundreds, Union of the Russian People, Union of Russian People, Russian community, Zemsky Sobor, State Duma, political parties.

About the author: **Andrey Alexandrovich Ivanov**

Doctor of History, Docent; Professor at the Institute of History at the St. Petersburg State University.

E-mail: andrey.a.ivanov@spbu.ru

ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-6438-5200>

For citation: Ivanov A. A. The Idea of Conciliarity in Russian Conservative Thought and Political Practice in the Early 20th Century. *Khristsianskoye Chteniye*, 2026, no. 3, pp. 63–78.

Funding: The study is funded by the Russian Science Foundation — project No. 24-18-00294 “‘The Russian World’ and ‘Russian Land’: historical and socio-political aspects of the national identity problem in the journalistic discourse of mid-19th — early 20th centuries”.

The article was submitted 12.10.2025; approved after reviewing 13.11.2025; accepted for publication 10.12.2025.

Понятие соборности, ставшее одним из ключевых в русской философии XIX–XX вв., появилось благодаря славянофилам в 1840-х гг. и обрело популярность в 1880-е гг. в связи с деятельностью Ю. Ф. Самарина и О. Ф. Миллера [Гайда, 2022, 32]. В дальнейшем, как отмечает современный исследователь, это понятие «приобрело целый ряд мало связанных друг с другом значений: свободное единение, коллегиальность, соборное управление, коллективизм, общественность, национальное единство» [Гайда, 2022, 32]. Однако, несмотря на обилие существующих формулировок и трактовок, есть в них и нечто несомненно общее. Концепт «соборность» обычно включает в себя «свободное духовное единение людей как в церковной жизни, так и в мирской общности, общение в братстве и любви» [Лазарев, 2010, 580], совокупность идей и взглядов, направленных к единству и братству людей на основе православия, традиционной нравственности и общинности.

Идея соборности вслед за славянофилами была воспринята многими представителями русского консервативного лагеря нач. XX в. Деятели русского монархического (правого) движения довольно часто указывали на свое преемство славянофилам и стремились развивать их идеи [Стогов, 2023, 192–201]. «Славные имена Киреевских, А. С. Хомякова, Ю. Ф. Самарина, [К. С. и И. С.] Аксаковых и всех тех, кто потрудился над выяснением народного самосознания, да послужат нам кормчими звездами на этом трудном, но неизбежном пути», — говорилось в обращении Союза русских людей (СРЛ) (Правые партии, 1998а, 78), а вождь Русского народного союза имени Михаила Архангела (РНСМА) В. М. Пуришкевич заявлял, что он весь проникнут идеями Хомякова и Аксакова (Аккерманское, 1900). Пиетет к славянофильству испытывали многие видные деятели правого движения — А. А. Киреев, А. С. Вязигин, Н. Н. Ознобишин, В. Н. Снежков, М. Ф. Таубе, Г. А. Шечков, С. Ф. Шарапов и др. Основатель и лидер Русской монархической партии (РМП) В. А. Грингмут считал идеологов славянофильства, наряду с другими видными русскими консервативными мыслителями, «апостолами национального евангелия», а монархистов-черносотенцев нач. XX в. — их учениками и продолжателями начатого ими дела (Грингмут, 1910а, 310). А один из видных деятелей Союза русского народа (СРН) В. П. Соколов был убежден в том, что «если бы были живы апостолы славянофильства Хомяков, Аксаков и др... то все они были бы в наших рядах» (Дубровин, 2011, 273, 287). Член Главного совета СРН математик и философ барон М. Ф. Таубе, считавший соборность призванием России (Таубе, 1910, 12), по этому поводу писал: «Никто не сомневается, что существует черносотенство, но мало кто думает, что черносотенство, просветленное философским учением, обратилось в белосотенство. Белосотенство же есть мировое духовновозвышенное просвещение восточное. Вот это просветительное белосотенское движение в области мысли и разумных обобщений и есть современное славянофильство. Доказывать долго не приходится. Русское знамя славянофильства, его внутренняя суть и богатое содержание выражаются тремя основами: православная святая вера; неограниченное самодержавие верховной, единодержавной свободной царской власти, единственное осуществление русской соборной государственности, и самобытность русского народного земского сплочения и просвещенного русского народа, первенствующего среди славянского племени на материке Европо-Азия. Русское знамя черносотенства и убежденного мудростью белосотенства: святая православная вера, самодержавный неограниченный царь и единая Россия для русского народа» (Таубе, 1912а, 5).

Учитывая эту преемственность и желание монархистов нач. XX в. видеть в числе своих предшественников и учителей идеологов славянофильства, в трудах которых идея соборности занимала центральное место, неудивительно, что правые публицисты и политики периода царствования императора Николая II также обращались в своих выступлениях, статьях и программных документах к понятию соборности. Однако в исторической литературе вопрос о месте и значении соборности в публицистике и политической практике правых деятелей нач. XX в. специально не ставился. Уделяя немалое внимание содержанию и трактовкам соборности в трудах деятелей Церкви, русских философов и религиозных мыслителей [Анисин, 2005; Мефодий Зинковский,

2023; Шилов, 2024; Хондзинский, 2019; Орлов, 2024; Лурье, 2020; Муравьева, 2023; Зацепина 2024а; Зацепина, 2024б], категориям соборности в русской художественной литературе [Есаулов, 1995], ее значению как одной из основ российской государственности [Седаев, 2022], русского мира [Теплых, 2021] и неотъемлемой части отечественной культуры [Коваленко, 2022], историки и философы, как правило, не касались сюжетов, связанных с представлением о концепте «соборность» в правых политических кругах нач. XX в. В информативной статье Ф. А. Гайды, посвященной формированию и пониманию термина «соборность» в общественных кругах России в XIX — 1-й четв. XX вв., представлена широкая палитра трактовок этого понятия в трудах видных представителей русской мысли (Ю. Ф. Самарин, О. Ф. Миллер, В. В. Розанов, С. Н. Трубецкой, Н. А. Бердяев, В. С. Соловьев, С. Н. Булгаков, Г. В. Флоровский и др.), однако и в ней вопросу об отношении к этому концепту представителей правого спектра русского политического лагеря (за исключением публикаций А. А. Киреева кон. XIX в.) специального внимания уделено не было [Гайда, 2022]. Отдельные сюжеты, связанные с пониманием соборности русскими консерваторами, затрагивались в монографии А. Э. Котова, но и они ограничивались лишь кон. XIX в. и касались вопросов, связанных в первую очередь с церковными, а не политическими вопросами [Котов, 2010, 99, 102, 109, 175]. Историки русского монархического движения нач. XX в. хотя и обращали внимание на приверженность правых деятелей идеям соборности [Кириянов, 2001, 132, 309; Омелянчук, 2006, 76, 165, 255, 256, 270, 298, 299, 520; Степанов, 2013, 33, 38, 313; Иванов, 2024, 163, 174, 197, 273, 279], специально этот вопрос также не рассматривали. В связи с этим целью данной статьи является выявление концепта «соборность» и его трактовок в выступлениях, постановлениях, публикациях русских правых политических деятелей нач. XX в., а также в программных документах монархических организаций и съездов.

Что же подразумевали идеологи монархических союзов и консервативные публицисты нач. XX в. под соборностью? В постановлении IV Всероссийского съезда русских людей (1912) отмечалось: «Соборность в широком смысле есть видимость единодушия, любви. Это выражение взаимности и общения людей единомыслящих. В более частном смысле соборность есть единение народа, выражаемое в слове и деле всеми его членами вместе и каждым в отдельности. Соборность не представительство народное, а свидетельство народа о самом себе. Член собора — не посол от народа в стане царя, а свидетель о жизни народной перед лицом самого народа, возглавляемого царем» (Правые партии, 1998б, 210). Но, пожалуй, наиболее полное, содержательное и развернутое определение соборности из представителей правого лагеря нач. XX в. дал барон Таубе. «Соборность, — писал он, — есть единство и цельность всей совокупности творческого многообразия и многочисленности для достижения истинной свободы от гнета одной части над другою и для совершения полноты истинной и праведной жизни. Соборность включает в себе обязательно этическое высоко-нравственное начало. Всякие ограничительные стремления в нравственном развитии частей и членов соборности противны самобытным началам и природным свойствам всеславянского племени. Соборное единство основывается на взаимном доверии и на свободном подчинении всех частей общему нравственному началу (любви). Единство личной индивидуальности народа требует личного подчинения частей главенствующему народу, что допустимо во внешней материальной жизни, но не терпимо в духовных творческих стремлениях соборного строя» (Таубе, 1912а, 33).

О том, что соборность занимала в мировоззрении русских монархистов нач. XX в. важное место, видно уже из того, что это понятие оказалось в период конституирования правых организаций в названии нескольких союзов. В 1905 г. был основан «Союз соборного начала и свободного труда», видный член Русского собрания, публицист неославянофильского направления А. В. Васильев создал общество «Соборная Россия», один из лидеров СРН юрист Б. В. Никольский предлагал учредить Всероссийский Соборный союз (Правые партии, 1998а, 7, 217).

Базовым постулатом всех правых (консервативных) партий и организаций Российской империи нач. XX в. являлась приверженность знаменитой уваровской триаде

«православие, самодержавие, народность». В ее рамках зачастую осмыслялось идеологами русских правых и понятие соборности. «Истинный союзник (т.е. член монархических союзов. — А. И.) равно ценит все три символа своего знамени нераздельно и неслиянно: св. Православие, Самодержавие и Народность, в нем духовная соборная крепость. Все, что нарушает собор трех начал неслиянных и нераздельных, все, что служит лишь одному из трех или двум без третьего, — не от союза и его трехцветного русского знамени. Кто вмещает все три начала, тот союзник умный, тот союзник цельный, тот союзник бессмертный», — наставлял Таубе (Таубе, 1912а, 165).

Рассуждая о первом члене уваровской триады, консервативные идеологи подчеркивали особую роль православия и Православной Церкви в жизни Российского государства и общества, позиционировали себя как защитников церковных интересов, а членов монархических союзов и партий — как православных русских людей. Из православного вероучения выводили они и понятие соборности. Представители правых партий и союзов часто говорили и писали о необходимости восстановления в Церкви соборного начала и освобождения ее от чрезмерной опеки со стороны государственной бюрократии. «Восстановление православной церковности, — отмечал рупор СРН, — есть самое главное, самое насущное дело. И все наши упования в этом отношении мы возлагаем на Собор» (Варнавин, 1909).

Однако далеко не все русские правые, ратовавшие за соборность, верили в то, что восстановление ее под силу церковному собору. Так, председатель СРЛ князь А. Г. Щербатов, соглашаясь с тем, что «в церковном строе русская народность должна восстановить соборное, т.е. общественное, участие всех членов Церкви, как духовных, так и мирян», и что именно «церковной соборностью, как отправным началом, произойдет обновление всего государственного строя на началах общественности» (Щербатов, 2010, 30), вместе с тем заявлял, что мысль о церковном соборе является преждевременной. «Церковный Собор в настоящее время, при отсутствии самостоятельности в высшем духовенстве и недостатке общественного церковного сознания в низшем духовенстве и мирянах, кроме смуты, не внесет ничего в современную церковную жизнь», — отмечал он (Щербатов, 2010, 35). Более того, вопреки мнению большинства правых, выступавших за восстановление патриаршества, Щербатов полагал, что в условиях, когда защитником православия является самодержавный царь — помазанник Божий, «соборное начало в лице Святейшего Синода наиболее соответствует духу Православной Церкви» (Щербатов, 2010, 35). Обновление церковной жизни на началах соборности вождь СРЛ видел не в восстановлении патриаршества и созыве церковного Собора, а в правильной организации приходской жизни и сближении епископата с народом. «Народный дух, — писал Щербатов, — есть тот жизненный источник, который обновит Русскую Церковь и перед которым, как перед восходящим солнцем, рассеются все теперешние недоумения. Соборность Православной Церкви есть тоже начало народности и общественности, которые необходимы для всего государственного строя» (Щербатов, 2010, 35).

Один из основателей СРЛ, старший сын славянофила А. С. Хомякова и брат председателя III Государственной думы Н. А. Хомякова — Д. А. Хомяков, продолжая развивать славянофильскую доктрину, также уделял концепту соборности особое внимание. В написанной в 1906 г. статье, позже вышедшей отдельной брошюрой, Д. А. Хомяков, указывая на необходимость восстановления соборного управления Русской Церковью, подчеркивал, что крайне важно не допустить подмены его очередной управленческой структурой, так как часто собрания епископов и съезды духовенства демонстрируют лишь формальную «соборность», а не соборный дух. «Тот характер, который приняли прения о соборах, или Соборе, — писал консервативный публицист, — заставляет думать, что действительно хотят воскресить лишь институт... а о том, что он должен быть „по существу“, — забывают» (Хомяков, 1917, 8). Хомяков указывал, что церковный Собор должен не стать «высшим трибуналом», а явить верующим «дух единения», «дух соборности», являющийся основой церковной жизни. В противном случае, предупреждал публицист, церковный Собор, вставший на почву «урн и шаров»,

ничем не будет отличаться от гражданских учреждений, где решения обычно принимаются не достижением единения, а принудительной властью или большинством голосов. Такого «лжеподобия» подлинного Собора Хомяков стремился избежать, заявляя: «Без патриарха, избранного Собором, можно обойтись; но горе, если у нас заведутся патриархи, избранные большинством. Да и от всяческих решений соборов, вышедших не из объединения о Духе, а из баллотировочного ящика, хотя бы и окропленного иссопом, — и от них храни нас Промысл!» (Хомяков, 1917, 10). Подводя итог, консервативный публицист заключал: «Основа соборности, этого столь вожделенного вида проявления церковной жизни и церковного самосознания, направленного на благоустройство жизни Церкви в ее видимой части, должна быть искома не в законоположениях о таком или ином созыве так или иначе организованных соборов, а в обнаружении духа единения, во имя церковных интересов, в самом народе церковном, в котором жив, конечно, но жив прикровенно этот дух единения, только направленный более на мистические, чем на бытовые, церковные дела» (Хомяков, 1917, 10). При этом Хомяков, в отличие от славянофила Д. Ф. Самарина и других, призывавших начинать восстановление соборности в Церкви через перестройку церковного прихода, поскольку именно он является ее основой, выступал с критикой «ультраприходофилов» (Хомяков, 1917, 14). Считая приход явлением естественным, но при этом чисто «бытовым», «физически неизбежным», Хомяков вместе с тем полагал, что попытки сосредоточиться исключительно на его реформировании, в ущерб высшей идее единства, так же ошибочны, как и попытки поставить земную человеческую семью выше единства во Христе. Вполне достаточно того, писал публицист, что приход дает возможность единения верующих в молитве, «взаимного молитвенного возгревания друг друга», а все его остальные функции — вторичны, и выдвижение их на первый план может лишь расшатать истинную церковную жизнь. «Если приход поддается приманкам „отвечать собственными силами на все запросы жизни“, то можно опасаться, что, под покровом именно необходимой для сего регламентации, он сделается чем-то сначала полуправославным, а, чего доброго, под конец весьма „самочинным“» (Хомяков, 1917, 15).

А. В. Васильев, считая главной задачей своей публицистической деятельности истолкование значения соборности, писал: «Соборность, которую мы исповедуем и на основании которой хотим строить жизнь, своим незыблемым основанием имеет исповедуемый всем христианским миром величайший догмат о Троицизме Божества» (Васильев, 1912, 3). Поясняя свою мысль, он отмечал, что «Бог личен и соборен в Самом Себе, в Своем Существо» (Васильев, 1912, 4). Исходя из того, что человек создан по образу Божию, Васильев заключал, что соборен и человек, так как в нем «те же три отраженные Божеством ипостаси: разум, воля и чувство»: «Мы не можем их отождествить, мы знаем, что между ними не всегда бывает даже согласие, они иногда спорят и борются между собой; а, между тем, попробуйте совершенно отделить эти три стихии человеческого духа одну от другой!» (Васильев, 1912, 5). Считая человека цельным и соборным только тогда, когда его разум, воля и чувства находятся в согласии и единстве в соответствии с Божественными заповедями, Васильев утверждал, что подлинно соборным общественным строем можно считать лишь такой, в котором «сохраняется неприкосновенной свобода человеческой личности, добровольно склоняющейся под одно только иго, иго любви» (Васильев, 1912, 6). Под последним он подразумевал «христианскую свободу и братское единомыслие и единопутье, обнимаемые понятием соборности», противопоставляя эту соборность любому личному или общественному произволу, «попирающему и насилующему человеческую совесть, человеческую душу» (Васильев, 1912, 6). «Начало христианской свободы и единомыслия, по закону любви, т.е. начало соборности, положено апостолами и святоотеческими определениями законом устройства и деятельности высшего из человеческих союзов — Христианской Церкви. По тому же, единственно живому и благотворному началу соборности строилась в допетровские времена и Русская Земля: вся ее народная, общественная и государственная жизнь», — заключал публицист (Васильев, 1912, 6).

Обращались русские правые к концепту «соборность» и при раскрытии второго члена уваровской триады — самодержавия. Так, например, в «Основоположениях» СРН отмечалось, что с петровских времен, когда император «нарушил соборность и нравственно-церковное единение и общение царя с православным народом», а вместе с тем, «по примеру иноверных государств западной Европы, нарушил и выросшую из православно-церковной соборности соборность земско-государственного строения и управления русского царства», российские монархи, «начиная с Петра I, хотя и продолжали именовать себя самодержавными, но это самодержавие было уже не православно-русским, а весьма близким к западноевропейскому абсолютизму, основанному не на нравственно-церковном и земско-государственном единении и общении царя с народом, а на праве сильного и на личном свойстве каждого государя» (Основоположения, 1995, 441).

Член Главной палаты РНСМА Г. А. Щечков, например, доказывал, что русская монархия исторически сформировалась именно как самобытное самодержавие, а западноевропейский абсолютизм был привнесен в нее лишь в петровское время. Самодержавие, утверждал публицист, не плод узурпации, поскольку носитель верховной власти на Руси, «как изначально призванный добровольно, с общего всей земли совета и хотения, как всеми соборно почтенный признанием», — это «человек соборный», а как «призванный со стороны, внепартийный, местным спорам не причастный человек, он есть властитель третейский» (цит. по: [Омельяничук, 2006, 270]). «Власть христианского государя не самодовлеющая, — подчеркивал Щечков, — не беспредельная, словом, не абсолютная: она ограничена обязательным для каждого государя-христианина учением единой святой соборной и апостольской Церкви» (цит. по: [Черемухин, 2016, 48]). Но в ходе петровских реформ утвердилась «форма самовластиа, ничего, очевидно, с самодержавием общего не имеющая», характерной чертой которой являлись «сановные и чиновные бюрократы, суть выразители не самодержавного, а абсолютного уклада» (цит. по: [Омельяничук, 2006, 270]). Подводя итог, Щечков констатировал: «Русь самодержавием строилась, а абсолютизмом болела» (цит. по: [Омельяничук, 2006, 270]). В связи с этим одной из своих задач черносотенцы считали оказание содействия восстановлению «порванной непосредственной связи между царем и народом» (Основоположения, 1995, 441–442).

Надежды на восстановление этой связи, особенно на начальных порах, большинство русских правых связывало с созывом Государственной думы из «лучших русских людей», видя в ней способ преодоления бюрократического средостения между царем и народом, возможность донесения до государя соборного голоса страны. Но Дума эта, отмечали они, должна быть «соборной» и «деловой», а не «партийной говорушкой». Даже вождь СРН А. И. Дубровин, имевший репутацию противника Думы, до поры надеялся, что это учреждение сможет стать подлинным «народосоветием», воплощением истинной народной соборности (Дубровин, 1907). «При Соборной Думе, а не Думе случайного и часто подтасованного арифметического большинства, исходящего от меньшинства народа и даже от меньшинства присутствующих, деятельность ее никоим образом не будет законодательною: в творчестве нет места духу соперничества, борьбы, раздора, дробления на политические партии из-за власти, нет места и всем мошенническим приемам заморских парламентов, давно осужденных историей», — писал Таубе (Таубе, 1912б, 120). Правильная организация «соборной Думы» виделась правому публицисту следующим образом. В самой Думе должны царить полная свобода и равноправие мнений, предполагающие одинаковую силу мнения меньшинства и большинства. Каждое мнение аргументированно и ясно излагается и отдается на благоусмотрение верховной власти. Царь же, после обсуждения поступивших мнений с «опытными государственниками», дает «от своей неограниченной воли предпочтение меньшинству или большинству, по своему произволению» (Таубе, 1912б, 120). «При соборности свободного народного мнения, связанного в два или три предложения, должна неизбежно существовать самодержавная неограниченная воля, которая определяла бы по совести, чье из двух, трех мнений должно

получить обязательную для всех силу. <...> Законосозидательная и совещательная, соборная, самобытная, русско-народная Дума с Государственным советом русских людей, опытных в русской государственности, с единоличною самодержавною неограниченною верховною властью русского православного Царя-Помазанника — вот единственный выход из путаницы заморского подражания парламентаристическому или антипарламентаристическому конституционализму», — заключал публицист (Таубе, 1912б. 121). О том же говорилось и в трудах одного из монархических съездов: «Сила постановлений соборных не исключительно в численности их провозглашающих, а в истинности провозглашаемого, как вечного проявления неизменной правды Божией. Численность голосующих часто подделывается, а иногда складывается неразумною случайностью» (Правые партии, 1998б, 210).

Превращение Думы в подобие западноевропейского парламента вызвало у правых монархистов отторжение, поскольку дробление общества на политические партии и следование демократическому принципу большинства противоречило идее соборности. «Бедная Святая Русь! Бедный великий народ! <...> В высшем твоём государственном учреждении, долженствующем отображать твой соборный разум, твою национальную гордость, развертывается с треском на весь мир постыдное зрелище чудовищного холопства русского образованного общества...» — возмущенно восклицал член Главного совета СРН и депутат III Государственной думы С. А. Володимеров (Володимеров, 1910). «Только в идее соборного начала, на основах закономерной свободы своего развития, противоположаемой, механистически-несовершенной... идее западного парламентаризма, следует нам искать возрождения общественной самодеятельности», — писал известный живописец и видный консервативный публицист К. П. Степанов (Степанов, 1907, 13).

«Соборность от парламентаризма отличается тем, что в соборности сплавляются именно для объединения с целым, начиная с малых ячеек приходов, образуя круги, округа, области, собрания, дружины, союзы и т. д. до собора включительно сперва земского местного, а затем и вселенского; парламент же образует только партии, разбивающиеся на стороны или крылья, и все партии глядят во все стороны, дерутся между собою во всех околотках, а страна тем временем расползается по всем швам. <...> У соборных людей — любовь и самопожертвование, у парламентщиков — борьба и подкуп», — отмечал Таубе (Таубе, 1912б, 31). Шечков, сам являясь депутатом III и IV Государственной думы, решительно критиковал установившийся в парламентской практике демократический принцип большинства, указывая, что при представительном правлении «умственно и нравственно серая масса получает узаконенность в своих принципах, и ее несовершенства, недостатки и пороки приобретают господство над жизнью общества с часа водворения в нем правящей воли первого сплоченного людского скопища» (Шечков, 1911, 5). Критикуя «счетно-голосовочный» способ решения государственных дел, Шечков отмечал, что последний «дает простор отстаиванию каких угодно интересов» и при нем часто побеждают не те, кто прав, а те, кто наиболее ловок в вербовке своих сторонников; поскольку выгодно дружить с властным большинством, к нему примыкают из корыстных соображений; критерием правоты становится численность сторонников того или иного взгляда. В итоге государство оказывается в руках политических интриганов, демагогов, партийных и денежных воротил, манипулирующих общественным мнением, раскалывающих и ожесточающих общество. Поэтому называние народу бюрократически установленного голосования по большинству, считал Шечков, подрывает традиционные нравственные основы общества, оттесняет носителей духовно-нравственных начал и открывает путь влиянию интриганов и демагогов. Такая «узаконенная лож», «голосовочная лотерея» быстро развращает общество, т. к. «вступить на путь порока легче, нежели на путь добра, ибо для последнего требуется борьба с самим собой, а для первого достаточно одного потворства собственным слабостям» (Шечков, 1911, 6). Отстаивая соборный принцип, Шечков писал: «кто расточает, тот не собирает, и людей не соединяет то, что их

разобщает. Разделение голосов на большинство и меньшинство соборности не создаст и с соборностью не уживется; с своей стороны, и соборность с разностоянием не помирится» (Шечков, 1906, 1). Отвергая принцип партийно-баллотировочного избрания, правый политик писал: «Земский Собор, понимаемый в своем историческом смысле, имеет свою задачу исповедать всенародно общее всей Земли единомыслие, а посему представляется целесообразным в соборной, или до Собора относящейся, деятельности применять, по мере возможности, жеребьевку предпочтительнее баллотировки» (Шечков, 1906, 2). «Требую выборов по жребию, „чтобы дело было никому не в обиду“, нынешние крестьяне остаются верными своему историческому отвращению к предвзятой мысли о правоте всякого большинства или предпочтительности числа качеству», — отмечал публицист (Шечков, 1908, 13). Поэтому, заключал Шечков, Государственная дума «не может не покоиться на том положении, что правит и управляет Россией не Господин *Большинство*, а соборно всею Землею чтимая воля Самодержца Государя всея Руси» (Шечков, 1906, 17).

Некоторым правым казалось, что альтернативой парламентаризму мог бы стать возрожденный соборный строй, при котором место парламента занял бы Земский собор, имевший законосовещательный характер, чуждый борьбы политических партий и доносивший до самодержца народное мнение. Poleмика о возрождении Земских соборов активно велась в русской печати с 1860-х гг. и не утихла к нач. XX в. [Бадалян, 2013]. Как отмечалось в «Своде основных понятий и положений русских монархистов», выработанном на IV Всероссийском съезде русских людей (1912), коренное отличие соборности, «верховно руководимой царями», от парламентаризма и конституционного правления наглядно проявило себя в истории возникновения Земских соборов и парламентов Европы. «Русские земские соборы зародились на почве общности, взаимности всех сословий с державною властью сначала князей, а потом царей. А парламенты Европы возникли как враждебные силы против своей верховной власти, не из взаимности, но, наоборот, из борьбы высших классов с этою властью, чтобы ограничить эту власть и присвоить ее себе. Отсюда произошло и глубокое различие в работах соборов и парламентов. Русские земские соборы решали все дела совместно с Царем, и притом всегда единогласно поддерживая и усиливая царскую державную власть, а парламенты решают дела большинством голосов и притом ограничивают и ослабляют королевскую власть» (Правые партии, 1998б, 213).

Сторонником идеи возрождения Земских соборов объявил себя СРЛ, считавший, что членами собора должны быть только православные русские люди (Правые партии, 1998а, 82–83, 138). Шечков доказывал, что Земские соборы были идеальной формой взаимоотношений основных составляющих русской государственности — православия, самодержавия и народности, пришедших в лице данного представительного учреждения «в полное единение между собой», и подчеркивал, что возникли они не из народных собраний, а из церковного Освященного собора, а потому не имели ничего общего с европейскими представительными учреждениями. В связи с этим правый политик призывал противопоставить начала соборности «хилым принципам парламентаризма» (цит. по: [Омельяничук, 2006, 298–300]). «Земский Совет, или Собор, есть видимость всей Земли единения, — отмечал Шечков. — Самое имя Собора, заимствованное из языка Церкви, как нельзя лучше соответствует сути именуемого им явления и выражает собою понятие единства, а не разноголосицы, разностояния и борьбы» (Шечков, 1906, 1).

Известный консервативный публицист А. А. Киреев, вступивший в 1905 г. в ряды СРН, осознавая опасность созыва Земского собора в условиях радикализации общества, тем не менее предлагал пойти на этот риск, поскольку считал, что необходимость замены «строя бюрократического земскособорным» давно назрела, и если собор будет таким же, каким был встарь, с подобающей в нем ролью православного духовенства и крестьянства и стоящим на «самобытных русских началах», то «расшатанный» государственный организм эту «операцию» выдержит (Киреев, 1905).

Но далеко не все черносотенцы соглашались с таким мнением. Видный деятель СРН, председатель фракции правых в III Государственной думе профессор-историк А. С. Вязигин, при всей симпатии к Земским соборам, выступал против «извлечения из могилы отжившего свой век учреждения», поскольку полагал, что исторические условия коренным образом изменились и то, что раньше приводило к согласию, в новых реалиях приведет к ожесточенной борьбе: «наше воображение и теперь может рисовать себе величавую картину совещания царя и земли по вопросам первостепенной важности; наше чувство умиляется от мысли о единении между державным вождем и его преданным народом, смело говорящим, устами своих выборных, о своих нуждах и пожеланиях. Но холодный разум замечает, что прошлого не вернешь: теперь другие времена, и „археологическое учреждение“ имеет научную ценность, но не житейскую» (Вязигин, 2008, 220). В. А. Грингмут, решительно отвергая идею Земского собора, доказывал, что в условиях XX в. Земский собор превратится в фикцию и ничем не будет отличаться от парламента, а «земские люди» обратятся в либеральную оппозицию самодержцу: «С первого же шага они предъявят государю такие же несуразные, дерзкие требования, какие они теперь предъявляют в своих революционных речах и адресах, и притом они предъявят их не лично от себя, а „от имени избравшего их народа“. <...> *Сословный земский собор будет лишь первою ступенью к собору бессословному, то есть к самому простому демократическому парламенту, который положит конец и царскому самодержавию, и русскому государству*» (Грингмут, 1910б, 126–127). При этом Грингмут не был противником того, чтобы царь выбирал себе для совета по тому или иному вопросу «опытных русских людей», но категорически отвергал принцип, при котором эти советники навязывались бы самодержцу от имени народа (Грингмут, 1910в, 128–129). Б. В. Никольский выступил в 1905 г. в Русском собрании с докладом, в котором также отверг идею Земского собора, обосновывая свою точку зрения тем, что в новых условиях это — утопия, изжившая себя еще при московских царях, которые и положили конец соборам; что русский Земский собор немыслим при пестроте племенного состава населения империи и на практике будет стремиться к тому, чтобы стать парламентом; что плебисциты на местах будут полезнее соборов при необходимости узнать мнение народа; что результаты выборов в Земский собор в условиях смуты не могут дать положительных результатов; что стоимость собора станет непосильным бременем для бюджета страны. В итоге, под одобрение большинства членов собрания, докладчик констатировал: «Самодержавие для России нужнее Земского собора» (Никольский, 1905).

Однако идея «земскособорности» не оставляла правых. Показательно, что после раскола СРН на радикальное (сторонники А. И. Дубровина) и умеренное (сторонники Н. Е. Маркова) направления марковцы объявили себя «земскими соборниками», а свое течение «земско-соборническим» (Иванов, 2023, 245). Эта формулировка, считали они, должна была подчеркнуть то обстоятельство, что отстаивают они не «чиновничье» и не «полицейско-бюрократическое» самодержавие, а самодержавие «исконно русское», «земско-соборное» (Два течения, 1910). Принявший при разделении СРН сторону Маркова барон Таубе так определял приоритеты этого направления в черносотенстве: «русское представительное управление, именуемое земскою соборностью» (Таубе, 1912б, 138).

Еще один вариант реализации принципа соборности и укрепления самодержавия путем единения царя и народа виделся некоторым консервативным публицистам в восстановлении механизма подачи челобитных. Так, К. П. Степанов полагал, что полезным было бы даровать право подачи челобитных царю обществам и союзам. «Только широкое развитие соборного начала и общественной самодеятельности призвано вывести Россию из того тягостного положения, в котором она находится», — заключал консервативный публицист (Степанов, 1907, 15). Так же считал и Дубровин, предлагавший вернуться к опыту старины: «Вот тогда у нас не будет средостения. <...> Нужно, как в старину до Петра было, [чтобы] граждане могли бы бить челом

государю, „посылать челобитные“ прямо ему, мы должны добиться возвращения прав „челобития“» (Правые партии, 1998а, 395).

Касаясь вопроса о соборности в контексте рассмотрения третьего члена триады — народности, правые монархисты отмечали: «Без вероисповедного единства, царского домостроительства и земской соборности — русская народность перестает быть народностью, а становится антинародною нерусскою *национальностью*» (Разряд, 1912, 13). Как отмечает А. В. Репников, в материалах прошедшего в 1912 г. монархического съезда содержалось противопоставление народности и нации. Съезд подчеркивал, что суть русской народности заключается в: «1) исповедании Православия, 2) подчинении русской государственности и 3) приобщении к русскому просвещению Кирилло-Мефодиевского склада». Народность трактовалась правыми как «соборность рода языка и быта страны (отчества, родины), связанная верою, просвещением и предопределенной Господом Богом целесообразностью», а нация — как «искусственное общество людей разного рода и племени, разнo верующих и не всегда говорящих одним языком, но сплоченных одной цивилизацией и подвластных одному государству» [Репников, 2007, 304].

В этом контексте большое внимание уделялось представителями правого лагеря соборному началу в русской общине. Как отмечал один из создателей СРП публицист С. Ф. Шарапов, «община явилась хранилищем и Христовой веры, и народного духа, и исторических преданий» (цит. по: [Репников, 2007, 353]). Шарапов подчеркивал, что существование общины имеет огромное духовное и воспитательное значение для ее членов, и употреблял слова «община» и «соборность» в одном ряду [Репников, 2007, 353]. Так же считал и Васильев, видевший проявление соборности в общинном способе землевладения и хозяйства, при которых «отдельные общинники свободно поступаются частью своих прав в пользу нарастающих поколений и приселенцев» (Васильев, 1912, 10). Образцовый русский способ решения общественных дел, писал Васильев, это «решение их миром, при котором разногласица свободных мнений сводится к единодушному решению взаимною любовью и желанием общей пользы» (Васильев, 1912, 10).

Исходя из этого, большинство правых выступали против принципа партийности, который, по их мнению, вместо соборного единения вел к разделению, сепаратизму и вражде и был ничем не лучше бюрократического засилья. «Всякая партия, заполучавшая власть, — писал Таубе, — и есть самое пагубное средостение, хуже бюрократического средостения между царем и всем народом» (Таубе, 1912б, 24). «Русское православное самодержавие, — писал он далее, — будучи соборного уклада, этого дробления на части не признает, ибо написано в Писании, что всякое царство, разделившееся в себе, не устоит» (Таубе, 1912б, 71).

«Кто любит свой русский народ и ему верен и предан, тот ни к какой отдельной „партии“, отдельной части принадлежать не может, ибо он должен связаться во имя соборности со всем народом целиком, — писал Таубе. — Западная партийность дробит и есть плод борьбы и взаимной вражды, а не любви. Никакая партия, как обособленная отдельность, с самыми благими намерениями, — цельностью и соборной совокупностью не будет. Дробление есть болезнь народа, исцеление которого — в его цельности. Настоящие партии создаются только тогда, когда хотят делить власть, когда выделяют часть из целого (партию из массы народной). В союзах осуществляют единение и соборность, партии же служат выражением разделения и распада» (Таубе, 1912б, 21). Подчеркивая, что «русский должен служить всему соборному народу в его целом», Таубе заключал: «служить части (партии), а не целому народу — значит служить заморским началам насилия, раздора и борьбы, а не самобытным соборным русским основам» (Таубе, 1912б, 21). Место разномастных политических партий, полагал Таубе, должен занять «Русский союз народного сплочения». Но это сплочение, пояснял он, «необходимо сделать лишь во имя Святого Православия, во имя неограниченного Самодержавия, на пользу русского народа, русской страны и Русского Государства...» (Таубе, 1912б, 24–25).

Свои организации черносотенцы, за редкими исключениями, политическими партиями не считали, подчеркивая, что они представляют собой именно союзы, цель которых — объединять народ, а не разъединять. Это нашло отражение и в названии большинства монархических организаций. Так, например, Щечков указывал, что «правые по существу — не партия, а стихия: это все море здоровых сил нашего отечества» (Щечков, 1916). «Почему народорусские содружества, поддерживающие неограниченность самодержавия, избегают называть себя „партиями“, а именуются по преимуществу собраниями, дружинами, союзами, кружками содружества? — вторил Щечкову Таубе. — Это прямо зависит от основ, на которых утверждается самодержавие и конституция. Основа самодержавия соборность, основа конституции партийность» (Таубе, 1912б, 70). Один из руководителей СРН А. И. Тришатный в связи с этим писал: «Союз русского народа — не партия. Слово „партия“ происходит от латинского слова *pars*, что означает *часть*. Стало быть, самое название показывает, что всякая партия предполагает *разделение целого на части*, естественно враждующие между собою, в то время как союз, напротив, *соединяет разрозненные части в одно целое*. <...> В России не может существовать партия русского народа. <...> Союз стоит вне всяких политических партий, он выше всякой партийности. <...> Он имеет целью объединить всех честных русских людей, верных долгу и присяге *во имя тех именно начал, на которых создавалось, росло и крепло великое и сильное Государство Российское и которые, даже помимо союза, по долгу присяги обязан свято чтить и охранять всякий верноподданный русский гражданин* (курсив А. И. Тришатного. — А. И.)» (Тришатный, 1910, 4–5). По словам же митр. Антония (Храповицкого), активно поддерживавшего русское монархическое движение, СРН представлял собой не партию, а «истинно демократическое религиозно-политическое братство» (Всероссийский съезд, 1912, 4).

Исходя из этого принципа, правые политики и публицисты допускали членство своих единомышленников сразу в нескольких монархических организациях и нередко выступали против того, чтобы подчинить правое движение какому-либо одному политическому вождю. Так, председатель Одесского СРН Н. Н. Родзевич считал идеалом организационного устройства русского монархического движения устройство церковное, в основу которого положен принцип соборности [Степанов, 2008, 443]. Если единственным главой Церкви признается Христос, а главы отдельных Церквей равны друг другу по достоинству, писал Родзевич, то точно так же «единственным главой всех монархистов в России является Самодержавный Государь и нет никакой надобности еще в едином „самодержавном“ председателе всех монархических организаций”, ибо все без исключения монархические организации должны быть признаны равными друг другу и на этом строить свои отношения» (Родзевич, 1911, 7). «Вот почему, — писал Таубе, — не следует принадлежать ни к какой отдельной „партии“, а быть в союзе со всем соборным русским народом, со всем русским людом. Члены „Русского собрания“, „Союза русского народа“ могут быть союзниками всех русских людей, могут, и по силам и возможности должны участвовать во многих содружествах, кружках, обществах и других объединительных учреждениях, но участвовать в партиях для дробления или разъединения на части самого центра — не могут. <...> Как единоецелое совокупное русский народ должен отказаться от партийности... Русский народ соберется не в отдельную партию, а во всеохватывающую соборную целокупную единицу. Русский народ воссоздаст единую Святую Русь» (Таубе, 1912б, 24).

Показательно, что и монархические съезды, собиравшие представителей различных черносотенных союзов, правые именovali съездами русских людей, отмечая их сходство с Земскими соборами прошлого. По справедливому замечанию современного историка, монархические съезды реализовывали «священный для правых принцип соборности» (Омельянчук, 2006, 76). Так, Таубе называл II Всероссийский съезд русских людей в Москве (1906) «деловым собором», нацеленным на выработку соборного мнения (Таубе, 1912б, 33). «Как домостроительство соборной совести организуется, начиная снизу, церковным приходом и кончая поместными и вселенскими Соборами, так и народное соборное мнение должно быть организовано; оно зачинается

снизу просветительными ячейками знающих и сведущих людей, а сверху укладывается в то, что называли в старину Земскими соборами, — рассуждал Таубе. — Этими ячейками свободного мнения русского народа могут служить наши скромные на вид союзы: Русское собрание, Союзы русского народа, Союзы русских людей и иные монархические кружки, очаги, веча, громады, которые не терпят никакой партийности и обособленности каких-то центров, кроме одного центра — Самодержавия Неограниченного Царя-Помазанника. Прообраз же будущего организованного Земского собора, народного свободного мнения — наш съезд» (Таубе, 1912б, 78–79).

Подводя итог, следует отметить, что идея соборности была глубоко укоренена в мировоззрении русских монархических деятелей и публицистов нач. XX в. Монархисты-черносотенцы вслед за славянофилами, наследниками которых они себя провозглашали, горячо отстаивали этот принцип, противопоставляя его индивидуализму, бюрократизму, парламентаризму, партийности и видя в нем следование церковным заветам. Отталкиваясь от церковной традиции понимания соборности, правые публицисты и политики распространили этот принцип и на общественно-политическую жизнь русского общества, стремились на его основах выстраивать свои политические структуры. Выступая сторонниками соборного единства народа, подчинения частных интересов общенародным, веря, что именно соборное начало позволяет объединить народ в сплоченное целое и сделать это на христианских нравственных началах, консервативные публицисты стремились осмыслить концепт соборности в т.ч. и через базовую для них идеологическую формулу — «православие, самодержавие, народность». Пытаясь в условиях стремительной трансформации и модернизации российского общества выработать концепцию подлинно соборного и самобытного церковного, государственного и общественного строя, монархисты настаивали на необходимости применения соборных принципов в жизни Православной Церкви, организации народного хозяйства, для возвращения царского самодержавия к своим истокам, создания подлинно народного органа для донесения до монарха соборного голоса народа и восстановления тесной связи между царем и народом.

Источники и литература

Источники

1. Аккерманское (1900) — Аккерманское уездное земское собрание XXXII очередной сессии, созыва 1900 года // Бессарабец. 1900. 8 октября.
2. Варнавин (1912) — *Варнавин Н.* Споры о составе будущего собора // *Земщина*. 1909. 23 июня.
3. Васильев (1912) — *Васильев А. В.* Что такое соборность? СПб.: Печатня Ш. Буссель, 1912. 34 с.
4. Володимеров (1910) — *Володимеров С. А.* Бедная Святая Русь! // *Земщина*. 1910. 4 марта.
5. Всероссийский съезд (1912) — Всероссийский съезд Союза русского народа и примыкающих к нему монархических организаций в Москве 21–28 ноября // *Почаевский листок*. 1912. № 16. С. 4–6.
6. Вязигин (2008) — *Вязигин А. С.* Нужен ли России Земский собор? // *Вязигин А. С.* Манифест созидательного национализма / Сост. и коммент. А. Д. Каплина и А. Д. Степанова. М.: Ин-т русской цивилизации, 2008. 400 с.
7. Грингмут (1910а) — *Грингмут В. А.* Апостолы и ученики нашего национального евангелия // Собрание статей В. А. Грингмута. Вып. 4. М.: Русская печатня, 1910. С. 305–311.
8. Грингмут (1910б) — *Грингмут В. А.* Опасное недоразумение // Собрание статей В. А. Грингмута. Вып. 3. М.: Русская печатня, 1910. С. 125–128.
9. Грингмут В. А. (1910в) — *Грингмут В. А.* Славянофильские иллюзии // Собрание статей В. А. Грингмута. Вып. 3. М.: Русская печатня, 1910. С. 128–130.

10. Два течения (1910) — Два течения // Земщина. 1910. 11 августа.
11. Дубровин (1907) — Дубровин А. И. [Передовая статья] // Русское знамя. 1907. 5 июня.
12. Дубровин (2011) — Дубровин А. И. За Родину. Против крамолы / Сост., предисл., коммент. Д. И. Стогов. М.: Ин-т русской цивилизации, 2011. 480 с.
13. Киреев (1905) — Киреев А. А. Письмо к издателю // Московские ведомости. 1905. 17 июля.
14. Никольский (1905) — Б. В. Никольский о Земском соборе // Московские ведомости. 1905. 4, 10 февраля.
15. Основоположения (1995) — Основоположения Союза русского народа // Программы политических партий России. Конец XIX — начало XX века. М.: РОССПЭН, 1995. С. 440–445.
16. Политическая (1910) — Политическая ли партия Союз русского народа // Вестник Союза русского народа. 1910. № 30. С. 4–5.
17. Правые партии (1998а) — Правые партии. 1905–1917. Документы и материалы: в 2 т. / Сост., вст. ст., коммент. Ю. И. Кирьянова. М.: РОССПЭН, 1998. Т. 1: 1905–1910 гг. 720 с.
18. Правые партии (1998б) — Правые партии. 1905–1917. Документы и материалы: в 2 т. / Сост., вст. ст., коммент. Ю. И. Кирьянова. М.: РОССПЭН, 1998. Т. 2: 1911–1917 гг. 816 с.
19. Разряд (1912) — Разряд «Программный» Всероссийского IV Съезда Союза русского народа и V Всероссийского Съезда русских людей в Петербурге с 14 по 20 мая 1912 года // Вестник Союза русского народа. 1912. № 104. С. 11–15.
20. Родзевич (1911) — Родзевич Н. Н. К вопросу о взаимоотношениях между монархическими организациями. Харьков: Тип. «Мирный труд», 1911. 8 с.
21. Степанов (1907) — Степанов К. П. Доклад, читанный в Общем собрании Кружка дворян в Москве 15 ноября 1907 г. М.: Печатня А. И. Снегиревой, 1907. 15 с.
22. Таубе (1912а) — Таубе М. Ф. Познаниеведение соборного восточного просвещения по любомудрию славянофильства. Пг., 1912. 230 с.
23. Таубе (1910) — Таубе М. Ф. Дуализм Запада и триединство Востока. Харьков: Тип. «Мирный труд», 1910. 24 с.
24. Таубе (1912б) — Таубе М. Ф. К возрождению славяно-русского самосознания. Пг.: Тип. М. И. Акинфеева, 1912. 168 с.
25. Тришатный (1906) — Тришатный А. И. Ко всеобщему сведению // Русское знамя. 1906. 26 августа.
26. Хомяков (1917) — Хомяков Д. А. Собор, соборность, приход и пастырь. М.: Печатня А. И. Снегиревой, 1917. 23 с.
27. Щечков (1906) — Щечков Г. А. Обязанность или привилегия. М.: Тип. «Русского голоса» (Н. Л. Казецкого), 1906. 19 с.
28. Щечков (1911) — Щечков Г. А. Государственная дума и несостоятельность начала большинства как принципа государственно-общественного строительства. Харьков: Тип. «Мирный труд», 1911. 36 с.
29. Щечков (1908) — Щечков Г. А. Как само население России понимает свое участие в государственных делах. Харьков: Тип. «Мирный труд», 1908. 23 с.
30. Щечков (1916) — Щечков Г. А. Что такое правые? // Московские ведомости. 1916. 5 марта.
31. Щербатов (2010) — Щербатов А. Г. Обновленная Россия // Щербатов А. Г. Православный приход — твердыня русской народности / Сост., предисл., коммент. И. А. Настенко. М.: Ин-т русской цивилизации, 2010. С. 19–122.

Литература

32. Анисин (2005) — Анисин А. Л. Истоки и судьбы идеи соборности в России. Тюмень: Тюменский юридический ин-т МВД РФ, 2005. 132 с.
33. Бадалян (2013) — Бадалян Д. А. Полемика о Земском соборе в русской прессе начала 1880-х годов // Труды Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств. 2013. Т. 201. С. 27–36.

34. Гайда (2022) — *Гайда Ф. А.* «Соборность»: к вопросу о понимании термина в общественных кругах России в XIX — I четверти XX вв. // *Философия. Журнал Высшей школы экономики*. 2022. Т. 6. № 1. С. 17–40. DOI 10.17323/2587-8719-2022-1-17-40.
35. Евсина (2024) — *Евсина Т. А., Забнева Э. И.* Понятие «соборность» в русской философской мысли // *Общество: философия, история, культура*. 2024. № 12 (128). С. 362–369. DOI 10.24158/fik.2024.12.45.
36. Есаулов (1995) — *Есаулов И. А.* Категория соборности в русской литературе. Петрозаводск: Петрозаводский государственный ун-т, 1995. 287 с.
37. Зацепина (2024а) — *Зацепина Д. Ю.* Идеи соборности в русской философии: модернисты vs традиционалисты // *Экономические и социально-гуманитарные исследования*. 2024. № 2 (42). С. 128–134. DOI 10.24151/2409-1073-2024-2-128-134.
38. Зацепина (2024б) — *Зацепина Д. Ю.* Соотношение философских и религиозных понятий «соборности» и «церковности» // *Социально-гуманитарные знания*. 2024. № 5. С. 141–145.
39. Иванов (2023) — *Иванов А. А.* Вождь черной реакции: Николай Евгеньевич Марков. СПб.: Владимир Даль, 2023. 639 с.
40. Иванов (2024) — *Иванов А. А.* Правые партии Российской империи. СПб.: Владимир Даль, 2024. 735 с.
41. Кирьянов (2001) — *Кирьянов Ю. И.* Правые партии в России. 1911–1917 гг. М.: РОССПЭН, 2001. 464 с.
42. Коваленко (2022) — *Коваленко Н. Г.* Соборность как концепт отечественной культуры: от русской философии славянофилов до геополитики евразийцев // *Вестник Вятского государственного университета*. 2022. № 3 (145). С. 29–37. DOI 10.25730/VSU.7606.22.034.
43. Котов (2010) — *Котов А. Э.* Русская консервативная журналистика 1870–1890-х годов: опыт ведения общественной дискуссии: монография. СПб.: Книжный Дом, 2010. 224 с.
44. Лазарев (2010) — *Лазарев В. В.* Соборность // *Новая философская энциклопедия: в 4 т.* М.: Мысль, 2010. Т. 3. С. 580–581.
45. Лурье (2020) — *Лурье В. М.* «Соборность»: появление термина и понятия в трудах Псевдо-Хомякова // *Studia Religiosa Rossica: научный журнал о религии*. 2020. № 1. С. 72–88. DOI 10.28995/2658-4158-2020-1-72-88.
46. Мефодий Зинковский (2023) — *Мефодий (Зинковский), еп.* Православное понимание соборности и реалии современного мира // *Христианское чтение*. 2023. № 4. С. 171–181. DOI 10.47132/1814-5574_2023_4_171.
47. Муравьева (2023) — *Муравьева М. Е.* Принцип соборности в русской философии // *Социосфера*. 2023. № 4. С. 22–25.
48. Омелянчук (2006) — *Омелянчук И. В.* Черносотенное движение в Российской империи (1901–1914). Киев: МАУП, 2006. 744 с.
49. Орлов (2024) — *Орлов М. О., Тонковидова А. В.* Концептуальная модель соборности в русской религиозной философии конца XIX — первой половины XX веков // *Вестник Челябинского государственного ун-та*. 2024. № 9 (491). С. 108–115. DOI 10.47475/1994-2796-2024-491-9-108-115.
50. Репников (2007) — *Репников А. В.* Консервативные концепции переустройства России. М.: Academia, 2007. 520 с.
51. Седаев (2022) — *Седаев П. В., Устинкин С. В., Кочкуров А. С.* Традиционные ценности соборности и державности как одна из основ формирования российской государственности // *Власть*. 2022. Т. 30. № 4. С. 43–46. DOI 10.31171/vlast.v30i4.9122.
52. Степанов (2008) — *Степанов А. Д.* Родзевич Николай Николаевич // *Черная сотня. Историческая энциклопедия 1900–1917* / Сост. А. Д. Степанов, А. А. Иванов. М.: Ин-т русской цивилизации, 2008. С. 442–445.
53. Степанов (2013) — *Степанов С. А.* Черная сотня. Что они сделали для величия России? М.: Яуза-пресс, 2013. 672 с.
54. Стогов (2023) — *Стогов Д. И.* Славянофильство как идеологическая основа монархического движения начала XX в. // *Русско-Византийский вестник*. 2023. № 4 (15). С. 192–201. DOI 10.47132/2588-0276_2023_4_192.

55. Теплых (2021) — *Теплых Н.В.* Соборность и патриотизм как ценности русского мира // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2021. Т. 10. № 3А. С. 202–208. DOI 10.34670/AR.2021.22.58.031.

56. Ходзинский (2019) — *Хондзинский П., прот., Кырлежев А.И.* Соборность в русской богословской традиции // Вопросы теологии. 2019. Т. 1. № 3. С. 427–440. DOI 10.21638/spbu28.2019.307.

57. Черемухин (2016) — *Черемухин В.В.* «Кто такие „правые“?» Монархист Георгий Алексеевич Шечков (1856–1920) о своих политических единомышленниках // Московский журнал. История государства Российского. 2016. № 11 (311). С. 46–51.

58. Шилов (2024) — *Шилов Е.В.* Понятие «соборность»: от неологизма к многогранной богословской концепции // Духовный арсенал. 2024. № 1 (11). С. 73–81. DOI 10.23681/717406.